

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

КАФЕДРА НЕМЕЦКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ

**ФОРМИРОВАНИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ АСПЕКТОВ И
ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В НЕМЕЦКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ДИСКУРСЕ**

Выпускная квалификационная работа
обучающейся по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое
образование, профиль Иностранный язык (первый, второй),
очной формы обучения, группы 02051309
Чумаченко Владиславы Сергеевны

Научный руководитель:
к.ф.н., доцент Скокова Т.Н.

БЕЛГОРОД 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. Дискурс и вопросы понимания художественного дискурса	7
1.1 . Подходы к определению дискурса в современной лингвистической науке.....	7
1.2. Особенности немецкого художественного дискурса	14
Выводы по ГЛАВЕ I	19
ГЛАВА II. Формирование словообразовательных аспектов существительных, прилагательных и глаголов, их функционирование в немецкоязычном художественном дискурсе	20
2.1 Способы производства слов в немецком языке.....	20
2.2. Роль словообразовательных элементов в процессе смыслообразования в художественном дискурсе	28
Выводы по ГЛАВЕ II.....	31
ГЛАВА III. Роль словообразовательных аспектов при вербализации концепта TOD в немецкоязычном художественном дискурсе	32
3.1. Вербализация концепта TOD в произведениях Фридриха Шиллера	32
3.2. Вербализация концепта TOD в произведениях Эрнста Гофмана.....	39
3.3. Вербализация концепта TOD в произведениях Теодора Фонтане	45
3. 4. Вербализация концепта TOD в произведениях Эриха Марии Ремарка ...	49
3.5. Вербализация концепта TOD в произведениях Гюнтера Грасса.....	55
Выводы по ГЛАВЕ III	60
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	62

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	64
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ.....	70
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА	71

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Язык находится в непрерывном движении, постоянно развивается и совершенствуется. С развитием общества появляются новые предметы, явления, которые закрепляются в языке в новых словах и значениях. Словообразовательные процессы, которые постоянно происходят в немецком языке, представляют собой важнейший источник пополнения словарного состава языка.

Область словообразования в немецком языке является одним из разделов немецкой лингвистики, который достаточно разработан. Однако остается еще ряд вопросов, которые не получили достаточного освещения.

Язык является средством вербализации концепта при наличии необходимости у говорящего выразить свою мысль в языковой форме. Хотя объективация не является обязательным условием существования концепта, именно языковое воплощение представляет собой ключ, который открывает концепт как единицу мыслительной деятельности. Слово является средством доступа к концептуальному знанию и позволяет пользоваться этим концептом в мыслительной деятельности.

Выбор концепта «TOD» также является обоснованным. Имеет смысл отметить, что осознание смертности всего живого определяет отношение человека к жизни, так как из всех живых существ только человек обладает осознанием того, что его существование ограничено. Изучение концепта «TOD» представляет большой интерес, так как позволяет выстроить соответствующий фрагмент картины мира. Данный концепт принадлежит к числу базовых концептов в картине мира множества лингвокультур, обладает широкими функциональными возможностями и имеет значительный оценочный потенциал.

Объектом исследования являются словообразовательные модели, участвующие в процессе словопорождения в немецкоязычном художественном дискурсе.

Предметом исследования выступают особенности словообразовательных аспектов при вербализации концептуальных признаков концепта «ТОД».

Цель исследования: рассмотреть теоретическую основу словообразовательных аспектов немецкого языка и практическим путем определить их значимость при вербализации концептуальных признаков концепта «ТОД» в немецком художественном дискурсе.

Цель и предмет исследования обусловили необходимость решения следующих **задач исследования:**

1. классифицировать точки зрения исследователей относительно понятия «дискурс»;
2. исследовать сущность и содержание художественного дискурса;
3. выявить отличительные особенности художественного дискурса;
4. проанализировать словообразовательные модели немецкого языка;
5. выявить роль словообразовательных моделей при вербализации концептуальных признаков концепта «ТОД» и определить их значение в процессе образования смыслов в немецком художественном дискурсе.

Теоретической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных исследователей: О.С. Ахмановой, В.Г. Борботько, Н.Л. Галеевой, Д.Б. Гудкова, М.Я. Дымарского, В.И. Карасика, А.А. Кибрик, Е.С. Кубряковой, Н.А. Кулибиной, Е.В. Медведевой, Н.А. Николиной, Г.А. Орлова, З.Д. Поповой, В.П. Руднева, Ю. С. Степанова, М.Д. Степановой, И.А. Стерина, Е.В. Фурсовой, З.А. Харитончик, И.И. Чернышовой, К. Adamzik, D. Busse, E.

Donalies, L. Eichinger., W. Fleischer, A. Gardt, S.B. Larcher, M. Lohde, V. Plath, W. Teubert, Wodak R. и др.

Фактическим материалом для исследования послужили произведения художественной литературы немецких авторов, представляющих различные литературные эпохи.

При написании выпускной квалификационной работы были использованы следующие **методы исследования**:

- метод сплошной выборки;
- метод дистрибутивного анализа;
- описательный метод;
- контекстуальный анализ;
- лингвокогнитивный анализ.

Апробация работы. Материалы исследования нашли отражение в статье «Словообразовательные аспекты при вербализации концептуальных признаков концепта TOD в немецком художественном дискурсе», а также в рамках студенческой конференции был сделан доклад по теме «Особенности словообразовательных аспектов при вербализации концепта TOD в немецком художественном дискурсе».

Структура и содержание работы. Исследование состоит из введения, где обусловлена актуальность работы, обозначена ее значимость и научный аппарат; трех глав, раскрывающих основное содержание заявленной темы; заключения, содержащего основные выводы; списка использованной литературы, списка использованных словарей и списка источников фактического материала.

ГЛАВА I. Дискурс и вопросы понимания художественного дискурса

1.1. Подходы к определению дискурса в современной лингвистической науке

У понятия «дискурс» так же, как и у других научных концептов, не существует общепринятого и признанного всеми исследователями определения. То, насколько широким является это понятие, доказывает множество вариаций определения, а также различия в понимании данного термина.

Согласно К. Адамчик, дискурс – это принципиально открытое множество тематически связанных и взаимообуславливающих текстов и высказываний. Ср.: «Ein Diskurs ist also eine prinzipiell offene Menge von thematisch zusammenhängenden und aufeinander bezogenen Äußerungen» (Adamzik, 2004: 254).

Речь идет не об объективно данных и строго ограниченных комплексах, а о взаимосвязях, которые образуют коммуникативное общество, на фоне которого создаются и воспринимаются отдельные высказывания и тексты. Ни одно высказывание и ни один текст не могут быть абсолютно независимыми и чисто индивидуальными созданиями, которое исключительно непосредственно влияло бы на систему, чьи правила лишь в некоторой степени применяются. Как текст, так и высказывание всегда вовлечены в область того, что было уже до этого сказано.

Немецкие лингвисты Д. Буссе и В. Тойберт с исследовательской точки зрения понимают под дискурсом виртуальный корпус текстов, чьи взаимосвязи обусловлены в самом широком смысле содержательными критериями. Ср.: «Unter Diskursen verstehen wir virtuelle Textkorpora, deren Zusammensetzung durch im weitesten Sinne inhaltliche (bzw. semantische) Kriterien bestimmt wird» (Busse/Teubert, 1994: 14).

К дискурсу относятся все тексты, которые рассматривают определенный предмет, тему, комплекс знаний или концепт, которые обнаруживают между собой семантические связи и в которых есть единая речевая, коммуникативная, функциональная и прагматическая связь, а также тексты, которые образуют внутритекстовую связь посредством эксплицитных или имплицитных ссылок.

Также отмечается, что исследователь использует только часть из этого виртуального корпуса текстов, сам определяя предмет исследования. При этом важную роль играют прагматические цели, такие как наличие источников и содержательно обоснованная значимость.

Немецкий исследователь А. Гардт сконцентрировался на тех характеристиках дискурса, которые относятся непосредственно к языкознанию для того, чтобы определить тематическую и функциональную связь текстов в общественной жизни и способах раскрытия информации, то есть каким образом с помощью языка создается общественное сознание и реальность. Исследовав различные определения термина «дискурс», А. Гардт объединил их в группы, подчеркнув четыре главных компонента, которые имеют особое значение для определения этого понятия:

- 1) связь понятия «дискурс» с понятием «текст» с точки зрения соединения текстов;
- 2) связь понятия «дискурс» с концептом языковой деятельности;
- 3) соединение понятия «дискурс» с обществом, то есть представление дискурса как способа выражения мыслей участников дискурса;

- 4) подчеркивание функции дискурса как стимула для общественных изменений.

На основе данных компонентов А. Гардт понимает под термином «дискурс» рассмотрение темы, которая отражается в высказываниях и текстах различного рода, которая поддерживается или опровергается более или менее большими общественными группами, которая отражает знание или точки зрения данных групп по соответствующей теме, а также которая активно влияет и является руководством для дальнейшего формирования общественной действительности в отношении данной темы. Ср.: «Ein Diskurs ist die Auseinandersetzung mit einem Thema, die sich in Äußerungen und Texten der unterschiedlichsten Art niederschlägt, von mehr oder weniger großen gesellschaftlichen Gruppen getragen wird, das Wissen und die Einstellungen dieser Gruppen zu dem betreffenden Thema sowohl spiegelt, als auch aktiv prägt und dadurch handlungsleitend für die zukünftige Gestaltung der gesellschaftlichen Wirklichkeit in Bezug auf dieses Thema wirkt» (Gardt, 2007: 30).

По мнению Р. Водака дискурсом можно считать группу контекстуально зависимых семиотических методов, которые находятся внутри определенных полей социальной действительности, являющиеся социально существенными, относящиеся к макротеме, а также имеющие критерии достоверности, такие как правда и нормативная обоснованность включения участников дискурса, имеющих разные точки зрения.

Общим для этих и других определений является то, что дискурсы касаются общественно значимых тем и проявляются в текстах, однако в то же время выходят за рамки этих текстов.

Первые два определения К. Адамчик и Д. Буссе и В. Тойберта ограничиваются только данной сущностью понятия «дискурс». Третье определение явно выделяет следующий аспект понятия «дискурс», которое разделяет большинство исследователей: дискурс находится под влиянием

общества, которое направляет его, но также и он оказывает обратное влияние на общество. Определение А. Гардта охватывает такой аспект, который затронут не во всех определениях дискурса, а именно общественные группы, которые обсуждают дискурс. В определении дискурс рассматривается не только как создаваемые обществом тексты, но и люди, которые участвуют в дискурсе, выражая свое мнение по теме в письменной или устной форме.

Четвертое определение является наиболее широким, так как в нем дискурс не только относится к текстам, но и определяет их как «семиотические методы». Автор данного определения уточняет, что текст представляет собой не только дискурс, но и является формой социальной деятельности и влияет непосредственно на общество. Также он подчеркивает, что в дискурсах рассматриваются критерии достоверности и нормы.

Важным критерием, который не был представлен в вышеупомянутых определениях, является вопрос о том, что не было сказано в определенное время в определенном обществе по спорной теме, потому что это общественно запрещено или коллективно отвергается. Мишель Фуко, один из основателей исследования дискурса, подчеркивал ограничивающую силу дискурсов. По его мнению, дискурс определяет не только то, что говорится и мыслится по теме, но также он обладает механизмами исключения, которые изолируют дискурс от определенных мыслей.

Доказать эти механизмы исключения и созданные на основе их влияния высказывания методически значительно сложнее, чем выявить, что было написано и сказано в имеющемся тексте. Чрезвычайно важно учитывать, какими языковыми средствами были исключены определенные мысли, так как в этих потенциально возможных мыслях заключается то, что игнорирует, отрицает, на что давит и чего боится общество.

Согласно лингвистическому энциклопедическому словарю В.Н. Ярцевой, «дискурс» – это связный текст в совокупности с экстралингвистическими –

прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погружённая в жизнь». Поэтому термин «дискурс», в отличие от термина «текст», не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно (Ярцева, 1990: 136-137).

Понятие «дискурс» трактуется также в неразрывной связи с понятиями речь и текст. Так, Г.А. Орлов рассматривает дискурс как категорию речи, которая материализуется в виде устного или письменного речевого произведения, которое относительно завершено в смысловом и структурном отношениях, длина которого потенциально может варьироваться от синтагматической цепи свыше отдельного высказывания до содержательно цельного произведения.

Интересна точка зрения Ю. С. Степанова, который определяет дискурс как особое использование языка, «за которым встает особая грамматика, особая лексика, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, — в конечном счете — особый мир» (Степанов, 1995: 146).

В своей работе А.А. Кибрик утверждает, что термин «дискурс», по мнению современных лингвистов, близок по смыслу к понятию «текст», но при этом подчеркивается динамический, разворачивающийся во времени характер языкового общения; в то время как текст является статическим объектом, результатом языковой деятельности. Автор считает, что термин «дискурс» следует рассматривать, включая одновременно два компонента: и динамический процесс языковой деятельности, и ее результат (т.е. текст) (Кибрик, 2003: 10).

М.Л. Макаров (Макаров, 2003: 85-86) различает три вида интерпретации дискурса: формальную, функциональную, ситуативную интерпретации.

Формальная интерпретация – это рассмотрение дискурса как образования выше уровня предложения, то есть сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое.

Функциональная интерпретация – это понимание дискурса как использования языка, то есть речи во всех ее разновидностях. Более узким вариантом функционального понимания дискурса является установление соотношения «текст и предложение» – «дискурс и высказывание». Такое рассмотрение дискурса встает в противопоставление дискурса как процесса и текста как продукта речи либо текста как виртуальной абстрактной сущности и дискурса как актуализации этой сущности. Контекст как признак дискурса акцентирует внимание исследователей на противопоставлении того, что сказано, и того, что имелось в виду, а отсюда – на ситуации общения.

Ситуативная интерпретация дискурса – рассмотрение дискурса с учетом социально, психологически и культурно значимых условий и обстоятельств общения, то есть поле прагмалингвистического исследования.

В.И. Карасик считает, что дискурс представляет собой явление промежуточного порядка между речью, общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом, остающимся в "сухом остатке" общения, с другой стороны (Карасик, 2002: 192).

По мнению В.Г. Борботько, дискурс является речемыслительным процессом, который приводит к формированию лингвистической структуры. Зафиксировавшись в памяти или письменном виде, данная структура несет в себе этапы собственного формирования. Дискурс существует как процесс общения и научного рассуждения, как политическая речь и как художественное произведение. Форма и смысл дискурса зависят от социального и индивидуального образа мышления, но и дискурс, в свою очередь, влияет своей

формой и смыслом на сознание людей (Борботько, 2011: 6-7). Рассматривая дискурс как специфическую единицу языка высшего уровня, В.Г. Борботько указывает, что дискурс по своей структуре отличен от всех остальных единиц языка, обладает способностью функционировать как целое и структурной спецификой как модель некоторой ситуации.

Из-за многогранности понятия «дискурс» трудно дать ему однозначное определение. Абсолютно очевидна ограниченность попыток отразить его понятие, сведя к одному или двум значениям. Так как дискурс трактуется в современной лингвистике неоднозначно, то Е.С. Кубрякова выделяет несколько подходов к определению дискурса:

1) Коммуникативный подход. В рамках этого подхода дискурс трактуется как некая знаковая структура, которую делают дискурсом ее субъект, объект, место, время, обстоятельства создания.

2) Структурно-синтаксический подход. С точки зрения этого подхода под дискурсом понимают два или несколько предложений, которые находятся в смысловой связи друг с другом, но при этом связность рассматривается как один из основных признаков дискурса.

3) Структурно-стилистический подход. Дискурс – это нетекстовая организация разговорной речи, которая характеризуется нечётким делением на части, господством ассоциативных связей, спонтанностью, ситуативностью, высокой контекстностью, стилистической спецификой.

4) Социально-прагматический подход. Дискурс – это текст, погружённый в ситуацию общения, в жизнь, либо как социальный или идеологически ограниченный тип высказываний, либо как «язык в языке», но представленный в виде особой социальной данности, имеющей свои тексты (Кубрякова, 2000).

Таким образом, взяв во внимание определения немецкоязычных и российских исследователей, можно утверждать, что термин «дискурс»

рассматривается в тесной связи с понятиями «текст» и «речь», находится под влиянием общества, а также влияет на него сам.

1.2. Особенности немецкого художественного дискурса

Художественный дискурс отражает особенности культуры определенных этапов развития общества. Для исследования художественного дискурса важным является учет его отличий от других видов дискурса. Без осознания значения этого понятия не может быть описан способ взаимодействия между представлениями и социальными концептами присущими определенной культуре читателя и подобными представлениями, и концептами, которые переосмыслены и интерпретированы в тексте. Также важным при рассмотрении именно художественного текста является выделение особенностей и параметров его организации, которые отличают его от любого другого текста.

В отличие от других типов текстов художественный текст направлен не напрямую к нашему сознанию, а посредством нашего внутреннего восприятия и осмысливания литературных произведений. При создании произведения автор выбирает то или иное средство выразительности, предвидя определенную эмоциональную реакцию реципиента. Более того, отдельно взятый текст не существует обособленно от других литературных, исторических и культурных контекстов.

Художественный дискурс можно рассматривать, как практически обусловленную и имеющую определенное намерение речь говорящего. В данном случае в роли говорящего выступает повествователь или рассказчик.

Российский лингвист В.П. Руднев указывает на одну из особенностей художественного дискурса, а именно на «составляющие его предложения, которые являются ни истинными, ни ложными, но создают представление о вымышленной действительности» (Руднев, 1996: 43).

Художественный дискурс – это система средств репрезентации индивидуально-авторских концептов. Коммуникативное своеобразие художественного дискурса состоит в том, что он не предполагает дискуссионного отношения между участниками общения. Писатель является организатором коммуникативного события (Фурсова, 2007: 247). Читатель в свою очередь является реализатором создаваемого автором коммуникативного события.

В контексте художественного дискурса смыслы накладываются друг на друга. Это происходит из-за того, что в дискурсе информация постоянно обрабатывается, поступающая из самого дискурса, присущих когнитивных возможностей и представленной ситуации общения. Дискурс содержит информацию о предметах или людях, об их взаимоотношениях, о происходящих или уже случившихся событиях, то есть о некотором фрагменте – ситуации. Получению и обработке информации способствуют различные стороны внутреннего и внешнего контекста, понимание социокультурных особенностей, нормы и принципы языкового взаимодействия.

Н.А. Николина выделяет такую особенность художественного дискурса, как креативная природа внутритекстовой действительности, которая в значительной мере отличает его от других видов дискурса. Это значит, что действительность, которая представлена внутри художественного дискурса, является созданием воображения и творческой энергии автора и носит, как

правило, вымышленный характер. Мир, изображенный в художественном тексте, связан с действительностью лишь косвенно, он отображен и преобразован в соответствии с намерениями автора. Но в то же время Н.А. Николина утверждает, что грань между художественным и нехудожественным текстом часто является расплывчатой, так как вымысел, с одной стороны, может быть представлен и в документальных текстах, а с другой стороны, в художественном тексте могут присутствовать факты действительности.

Ю.М. Лотман считает, что художественный текст является сложно организованной системой, которая, с одной стороны, представляет собой частную систему средств общенационального языка, а с другой стороны, это собственная кодовая система, созданная автором, которую реципиент (читатель) должен «расшифровать», чтобы понять текст.

Одними из главных признаков художественного дискурса по мнению М.Я. Дымарского являются антропоцентричность и ориентированность на форму. Благодаря антропоцентричности художественного человек помещается со своими действиями, рассуждениями, чувствами и отношениями с другими людьми в центр повествования. Это объясняется тем, что именно человек – это субъект действительности, и только он в состоянии отразить сущность этой действительности. М.Я. Дымарский указывает на ориентированность на форму, под которой понимает наличие определенного количества стилистических средств и приемов в художественном тексте как продукте и результате дискурса.

Также отличительной чертой художественного дискурса является язык повествования. Художественный дискурс полон эмоционально-окрашенной лексики, как ни один другой тип дискурса. Это можно объяснить тем, что одной из функций данного дискурса является создание чувственного восприятия действительности с помощью различных средств художественной выразительности.

Как считает Д.Б. Гудков, художественный дискурс – это сложное, самостоятельное целое, которое рассматривается в неразрывной связи с национальной, культурно-исторической перспективой и содержит в себе цели, которые направлены на осуществление эстетического воздействия. Но важно учитывать, что воздействие направлено на конкретного адресата, то есть читателя, поэтому направление отношений «автор – текст художественного произведения – читатель» образует иную связь, а именно «дискурс автора – текст художественного произведения – дискурс читателя». Но нельзя не учитывать, что дискурс читателя обладает такой важной характеристикой, как отнесенность к конкретной национальной культуре, и это определяет восприятие им художественного текста (Гудков, 2003: 246).

В художественном тексте всегда присутствует некоторое пространство для свободной мысли читателя, поэтому художественный текст можно считать диалогичным, так как он требует сотворчества адресанта. «Такая взаимная направленность художественных смыслов адресата и реципиента позволяет говорить о художественном дискурсе» (Карасик, 2002: 171).

Несмотря на наличие некоторых признаков других типов дискурса, художественный дискурс имеет определенно отличительную от них цель, а именно попытка автора воздействовать с помощью своего произведения на духовную организацию читателя, в частности на его знания, желания, духовные ценности, личностные ориентиры и взгляды на жизнь.

Российский лингвист Н.Л. Галеева, рассматривая цель художественного дискурса, отмечает, что художественный текст, «пробуждает рефлексию, фиксирующуюся в виде смыслов и идей, которые, в свою очередь, способны обогащать духовное пространство человека, а именно: совокупность смысловых, идейных парадигм, ценностей, чувств, представлений, знаний, понятий, веры, общекультурных феноменов» (Галеева, 1999: 90).

Н.А. Кулибина считает, что книгу следует рассматривать в двух видах. С одной стороны, книга является текстом во всей его графической завершенности от первого слова до последнего знака препинания. С другой стороны, книга – это дискурс, созданный восприятием читателя, в частности художественный дискурс. Н.А. Кулибина предлагает рассматривать дискурс как «последовательный предсказуемо-непредсказуемый процесс взаимодействия текста и реального читателя, учитывающего либо нарушающего «указания» автора, привносящего в текст свою информацию, которая была известна или не известна писателю» (Кулибина, 2001).

Нами художественный дискурс понимается как коммуникативный акт, который не обязательно и не в первую очередь преследует цели, характерные для других типов дискурса. Эти цели можно описать следующим образом: писатель через свое произведение осуществляет попытку воздействия непосредственно на духовную организацию читателя как реципиента с целью внести в него некоторые изменения. Однако автор не диктует и не может диктовать все те смыслы, которые порождает текст, а читатель заранее готов почерпнуть из текста гораздо больше, чем хотел сказать автор. Художественный текст рассматривается нами, в свою очередь, как не простое синтаксическое целое, а как текст-дискурс, характеризующийся как бесконечный поток смыслов и ассоциаций, не все из которых были заложены автором.

Выводы по ГЛАВЕ I

Дискурс определяют как включающий одновременно два компонента: и динамический процесс языковой деятельности, вписанной в ее социальный контекст, и ее результат, то есть текст.

Выделяют несколько подходов к определению дискурса. Коммуникативный подход, в рамках которого дискурс представляется как знаковая, которую делают дискурсом ее субъект, объект, место, время, обстоятельства создания. Структурно-синтаксический подход, с точки зрения которого дискурс – это два или несколько предложений, которые находятся в смысловой связи друг с другом. В соответствии со структурно-стилистическим подходом, под дискурсом понимается нетекстовая организация разговорной речи, которая характеризуется определенной спецификой. С точки зрения социально-прагматического подхода дискурс рассматривается как текст, погружённый в ситуацию общения, в жизнь, который представлен в виде особой социальной данности, имеющей свои тексты.

Под «художественным дискурсом» следует понимать социокультурное взаимодействие между писателем и читателем, которое вовлекает в свою сферу социальные, эстетические и культурные ценности, личные знания, представление о мире и отношение к окружающей действительности, систему взглядов, убеждений, верований и представляющее собой попытку повлиять и изменить «духовное пространство» человека и вызвать у него определенную эмоциональную реакцию.

Понятия «художественный дискурс» и «художественный текст» неразрывно связаны друг с другом. При анализе любого художественного произведения нужно учитывать обе эти категории.

ГЛАВА II. Формирование словообразовательных аспектов существительных, прилагательных и глаголов, их функционирование в немецкоязычном художественном дискурсе

2.1 Способы производства слов в немецком языке

Слово – это семантически и формально изменчивая, подвижная единица языка. Язык, в свою очередь, является живой и постоянной сущностью, которая сохраняет, однако, свое главное предназначение – сохранение и передача информации в процессе общения. Другими словами, изменения, которые происходят в языке, являются не случайными, а вполне закономерными и соответствуют главным образом насущным потребностям людей. С развитием общества появляются или исчезают какие-либо реалии в жизни человека, поэтому в словарном составе языка возникают и отмирают лексические единицы, меняются их морфологические структуры, фонетические оболочки и значения.

Существует множество путей развития словарного состава языка, однако самым распространённым и продуктивным является словообразование. Подавляющее число новых слов – это **дериваты**, то есть производные слова, образованные при помощи различных словообразовательных моделей, характерных для данного языка.

М.Д. Степанова и И.И. Чернышова выделили **13 основных моделей**, характерных для немецкого словообразования. Следует указать, что модели, обозначенные заглавной «М», могут быть названы «модели первого уровня», и большинство из них может быть подразделено на более мелкие «модели второго уровня», которые обозначаются строчной «m» (Медведева, 2009: 131).

Первая модель – $M_1=L$ (L – корневая основа) – это модель непр производных (корневых) слов. Корневые слова в современном языке характеризуются двумя особенностями:

1) Они состоят только из одной морфемы – корневой. Например, die Angst, stark.

2) Они являются семантически немотивированными, однако это не распространяется на звукоизобразительные слова.

Новые корневые слова возникают только как заимствования, при этом независимо от того, являлись ли заимствованные слова в исходном языке корневыми или, например, производными (Медведева, 2009: 133).

Большая часть словообразовательных моделей немецкого языка относится к **словопроизводству**. Под этим термином понимается образование новых слов путем соединения друг с другом корневых и аффиксальных морфем, а также основ данного языка в разных комбинациях по определенным моделям, включающим правила чередования звуков, определяющим тот или иной характер соединения и тому подобное (Ахманова 1966: 414). В соответствии с данным определением различают безаффиксальные и аффиксальное словопроизводство.

К **безаффиксальному словопроизводству** относят две модели: конверсия (M_2 : $m_{2.1} = L_1$ (L_1 – первичная основа), $m_{2.2} = L_1 + Gr$ (Gr – грамматический суффикс)) и трансфигурация ($M_3=l_1$ (l_1 – вариант корневой морфемы)). При этом $m_{2.1}$ и M_3 не представляют две разновидности конверсии,

то есть перехода слова в его исходной форме в новый лексико-грамматических класс слов (Петрова 1978: 116). Согласно $m_{2.1}$, слово переходит в другую часть речи без изменения формы, а согласно M_3 , первичная основа переходит в виде алломорфа, то есть варианта исходной морфемы.

Самым продуктивным типом конверсии является субстантивация, так как в класс существительных часто переходят как основы, так и словоформы других частей речи. Наиболее распространённой является субстантивация инфинитивов, а также причастий, прилагательных, основ сильных глаголов. Однако возможны и другие случаи, а именно: субстантивация наречий, местоимений, числительных и так далее. Например, lesen – das Lesen, zwei – die Zwei, aber – das Aber и так далее.

Адъективации могут подвергаться основы существительных и наречий, а также причастия. Часто говорят о неполной адъективации, так как многие прилагательные, которые образованы от существительных, используются только в предикативной функции и не склоняются, например: es ist schade. Наиболее распространённым типом адъективации является адъективация причастий. Главной семантической особенностью данных слов является метафорическое или метонимическое переосмысление. Например, eine **glänzende** Antwort.

Вербализация именных основ является весьма продуктивным типом безаффиксального словопроизводства в немецком языке. А.Л. Зеленецкий и О.В. Новожилова считают, что безаффиксальное образование переходного слабого глагола в современном немецком языке возможно от любого существительного, например: der Nerv – nerven, die Mail – mailen.

Модель $m_{2.2}$ описывает трансфигурация, то есть переход слова в его застывшей грамматической форме в другую часть речи, при котором оно становится самостоятельной единицей. Например, родительный падеж

существительных может функционировать как самостоятельная часть речи: *angesichts*.

Под **аффиксальным словообразованием** понимают морфологический процесс, заключающийся в присоединении аффиксов к корням и основам (Ахманова, 1966: 59).

К префиксальному словообразованию относят две модели – $M_4 = DP + L_1$, $M_5 = DP + l_1$ (DP – словообразовательный префикс). Например, модель M_4 – *vergehen*, модель M_5 – *das Gehölz*. Префиксы не являются морфологическими показателями грамматических категорий частей речи, то есть один и тот же префикс может быть присущ словам разных частей речи. Однако М.Д. Степанова и И.И. Чернышова классифицируют некоторые из префиксов, согласно их изначальной принадлежности к производящему слову.

К суффиксальному словообразованию также относятся две модели – $M_6 = L_1 + DS$, $M_7 = l_1 + DS$ (DS – словообразовательный суффикс). Например, модель M_6 – *der Lehrer*, модель M_7 – *der Gärtner*. Этот тип аффиксального словообразования является более продуктивным по сравнению с префиксацией. Кроме этого, по суффиксу можно определить к какой части речи относится слово, а также определить род существительных.

Префиксально-суффиксальное словообразование – $M_8 = DP + L_1 + DS$, $M_9 = DP + l_1 + DS$ – встречается крайне редко и, по мнению М.Д. Степановой и И.И. Чернышовой, не играют значимой роли в системе словообразования в современном немецком языке. Существительные, образованные с помощью такого способа, обычно представляют собой структуру с префиксом *ge-* и суффиксом *-e*, например: *das Gelaufe*. Такой способ словообразования продуктивен с использованием глагольных основ. Производство префиксально-суффиксальных прилагательных является довольно продуктивным, причем такие прилагательные образуются по модели отглагольных причастий,

например: entmenscht. Образование глаголов с помощью префиксально-суффиксального словопроизводства в немецком языке является очень немногочисленным, например beerdigen .

Следующий способ словообразования – это **словосложение**. Под этим термином понимают цельнооформленное соединение двух или более морфем, выступающих в качестве корневых в отдельных словах (Ахманова 1996: 416). К словосложению относятся три модели $M_{10} = L_1 + L_1$; $M_{11} = L_1 + L_1 + L_1$; $M_{12}:m_{12.1} = L_1 + R$, $m_{12.2} = R + L_1$ (R – остаточный элемент). Данный тип словообразования является самым продуктивным в немецком языке, так как в речи встречаются не только общепринятые сложные слова, которые зафиксированы в словарях, но и множество окказионализмов, которые созданы автором речи спонтанно и в соответствии с его речевым замыслом.

В зависимости от отношений между компонентами в составе сложного слова различают три типа сложных слов:

1) детерминативные (определительные), то есть такие слова, в которых второй компонент уточняется первым. Например, das Vaterhaus – das Haus des Vaters.

Данный тип словосложения считается наиболее продуктивным, особенно при образовании существительных, прилагательных и наречий. Протяженность немецких сложных слов теоретически неограниченна, тем не менее, даже в таких сложных словах всегда можно выделить определяемый и определяющий элементы. Например, Straßenbahnhaltestelle – Straßenbahn – определяющее, haltestelle – определяемое; Straßen – определяемое, bahn – определяющее; halte – определяющее, stelle – определяемое.

2) копулятивные (сочинительные) слова могут быть сопоставлены со словесными рядами, словосочетаниями, где компоненты соединяются с помощью союза und, например: taub und stumm – taubstumm.

3) сложносинтаксические слова – это слова, которые застыли в определенной грамматической форме и превратились в ту или иную часть речи, независимо от того, к какой части речи относился их последний компонент изначально, например: gutgelaunt.

Если разделить все сложные слова по словообразовательным моделям, то окажется, что в немецком языке существуют полносложные, неполносложные слова и сдвиги.

Для полносложных слов характерно непосредственное сложение слов: der Tischtuch. М.Д. Степанова и И.И. Чернышова обозначают такой тип как $m_{10.1}$.

К неполносложным словам относятся такие слова, в образовании которых принимают участие различные соединительные элементы, например: lebensgefährlich. Этот тип образования слов обозначают $m_{10.2}$.

Сдвиги ($m_{10.3}$) – это сложные слова, у которых морфологосинтаксическое оформление совпадает с оформлением синтаксического соединения. Для таких слов характерно наличие словоформ в их составе, а не лексических основ. Например, geradeaus.

Сдвиги также образуются и по так называемой модели «неопределенного словосложения» – $M_{11} = L_1 + L_1 + L_1$. Слова, которые содержат более двух лексических основ, всегда являются сдвигами (Медведева 2009: 141). Они могут быть представлены несколькими типами:

- $m_{11.1}$ – копулятивные сложные слова: fünfundzwanzig;
- $m_{11.2}$ – субстантивированные императивные предложения: das Vergißmeinnicht;
- $m_{11.3}$ – субстантивированные предложные группы: der Ohnebart;
- $m_{11.4}$ – сложные наречия: bergauf;

- $m_{11.5}$ – «сплавы» лексем, стоящих рядом в предложении: die Handvoll.

Сращения – это результат взаимодействия сразу двух способов словообразования, а именно словосложения и словопроизводства. Данные слова обладают составной словообразовательной основой, заканчивающейся суффиксом (лексическим или грамматическим), и восходят к соединениям слов, связанных между собой синтаксическими отношениями. Например, der Auftraggeber – einen Auftrag geben.

Особым типом одноморфемных слов (M_1) являются **сложносокращенные и усеченные слова**. К ним относятся аббревиатуры и усечения.

Аббревиатуры – это слова, составленные из сокращенных начальных элементов (морфем) словосочетания (Ахманова 1966: 26). Выделяют несколько видов аббревиатур:

А) буквенные аббревиатуры – они образованы из алфавитных названий начальных букв компонентов исходного сочетания, например: IWF – internationaler Währungsfonds.

Б) звуковые аббревиатуры – они образованы из начальных букв компонентов исходного словосочетания, но читаются не по алфавитным названиям букв, а как обычное слово, например: die ALU – Arbeitslosenunterstützung.

В) слоговые аббревиатуры состоят из сочетания начальных частей слов или основ каждого слова, например: die Kripo – Kriminalpolizei.

Г) неполные аббревиатуры образованы сокращения только первой части слова: das U-Boot – Unterseeboot.

Следует отметить растущую продуктивность образования и употребления аббревиатур в современном немецком языке, однако эта продуктивность

ограничена специальными слоями словарного состава: аббревиатуры относятся, главным образом, к современной общественно-политической и технической лексике и употребительны в деловом языке.

Усечения представляют собой более или менее произвольное сокращение слов с разной словообразовательной структурой (Медведева, 2009: 142).

А) контрактура – это усечение произвольной части слова (Медведева, 2009: 143). Например, das Labor – Laboratorium.

Б) телескопические образования – это слова, которые составлены из произвольно усеченных основ, например: die Joganastik – Jogagymnastik.

На сегодняшний день образование сложносокращенных и усеченных слова является одним из самых продуктивных способов словообразования в немецком языке. Важно заметить, что созданные с помощью данных способов одноморфемные слова могут участвовать в образовании новых лексем в качестве полноценных самостоятельных лексических морфем. Например, das Schoko – die Schoko-Füllung.

Таким образом, словообразование является важным звеном языковой системы, связующим лексику с грамматикой. Оно служит обогащению лексического состава языка новыми словами, которые создаются на базе уже существующих, и оптимизации процессов общения. Система словообразования немецкого языка обладает множеством особенностей, главной из которых является доминирующее положение словосложения среди других способов словообразования в немецком языке.

2.2. Роль словообразовательных элементов в процессе смыслообразования в художественном дискурсе

Язык, являясь механизмом познания и отображения реальности, находится в непрерывном развитии, изменяясь для того, чтобы в полной мере отразить изменяющуюся картину мира. Как пишет Е.С. Кубрякова, «в каждом живом языке никогда не прекращается процесс пополнения его новыми словами. Часть их создается путем словообразования. Словообразование поэтому более непосредственно, чем многие другие лингвистические системы, отражает все изменения, происходящие в окружающей нас действительности» (Кубрякова, 1965: 18).

В настоящее время большой интерес вызывают исследования языковых явлений в рамках когнитивно-дискурсивного направления. Согласно данному направлению язык рассматривается как носитель когнитивных процессов, как общий когнитивный механизм, когнитивный инструмент – система знаков, играющих важную роль в репрезентации и в трансформации информации (Кубрякова, 1996: 53). Именно поэтому когнитивно-дискурсивное направление занимается изучением производных слов, существующих не только в форме огромной базы данных, которая сохраняет обширный объем информации в упорядоченном виде и позволяет иметь к ней доступ. Производные слова всегда возникают в дискурсивной деятельности, сохраняя в себе ее следы. Помимо этого, по мнению Е.С. Кубряковой, производные слова являются порождающей средой, которая снабжает говорящих «схемами соединения определенных структур знания с определенными словообразовательными конструкциями, механизмами словообразовательного моделирования и стратегиями извлечения семантики из ее единиц, процедурами обработки новых данных и т. п.» (Кубрякова, 2004: 393).

Словообразовательные процессы изучаются как причастные концептуализации и категоризации, а производные слова, являются их результатами при вторичной репрезентации знаний о действительности, это позволяет говорить о концептуальной деривации. Данное понятие было введено Л.В. Бабиной и под ним подразумевается когнитивный процесс, в результате которого «происходит объединение исходных концептов в концептуальные структуры, внутри которых исходные концепты выступают как согласованные по тем или иным концептуальным характеристикам друг с другом» (Бабина, 2007: 87).

Словообразовательная модель – это «схема, образец, аналог, все то, что фиксирует правило построения производных слов, правило, которое учитывает тип производящих основ и словообразовательных средств и формируемую в результате их взаимодействия обобщенную семантику однотипных слов» (Харитончик, 1983: 19).

Роль словообразования с когнитивной точки зрения – это «выделение и фиксацией средствами словообразования новых структур знания, закреплением и объективацией неких концептуальных объединений, рождаемых в актах сознания и оценки мира» (Кубрякова, 2004: 407). Языковыми средствами, которые входят в номинативное поле концепта и обеспечивают его описание в процессе лингвокогнитивного исследования, называются «прямые и производные номинации концепта»; «однокоренные слова, единицы разных частей речи, словообразовательно связанные с основными лексическими средствами вербализации концепта» (Попов, Стерин, 2007: 34).

Итак, для того, чтобы изучить тот или иной концепт в полной мере необходимо его комплексное описание. Важны не только данные, полученные из этимологических, толковых словарей, при анализе синонимов и антонимов, но также необходимо рассматривать словообразовательные элементы сложных слов, которые служат для вербализации того или иного концепта.

Как показывает анализ вербализации концепта TOD, о чем пойдет речь далее, благодаря изучению словообразовательных аспектов возможно получить представление о семантическом объеме и потенциале концепта, а также определить словообразовательный аспект как один из важнейших в исследовании. Более того, нами будет решаться задача доказать актуальность отображения определенного значения и потенциальные возможности вербализации концепта с помощью лексем, образованных различными словообразовательными моделями.

Словообразовательная модель, как правило, включает в себя словообразовательные значения. Отличительной чертой словообразовательной модели является отвлеченность от конкретного лексического значения, а также абстрактность.

Широта диапазона значений, которую передают производные слова распространяется от синтаксической деривации и до деривации лексической. Благодаря этому роль словообразования в осуществлении процессов концептуализации и категоризации мира является неопределимой.

Выводы по ГЛАВЕ II

Существует множество путей развития словарного состава языка, однако самым распространённым и продуктивным является словообразование. Для немецкого словообразования характерны 13 основных словообразовательных моделей, соответствующие четырем способам образования слов:

1. Словообразование:
 - а) безаффиксальное (конверсия, трансфигурация),
 - б) аффиксальное (префиксация, суффиксация, префиксально-суффиксальное словообразование);
2. Словосложение (неполносложные и полносложные слова);
3. Сращение;
4. Сокращение (аббревиация, усечение).

Словообразование более непосредственно, чем многие другие лингвистические системы, отражает все изменения, происходящие в окружающей нас действительности. Язык рассматривается как носитель когнитивных процессов, который играет важную роль в репрезентации и в трансформации информации.

Производные слова, всегда возникая в дискурсивной деятельности, сохраняют в себе ее следы. Благодаря словообразовательным аспектам возможно получить более широко представление о семантическом объеме и потенциале концепта.

ГЛАВА III. Роль словообразовательных аспектов при вербализации концепта TOD в немецкоязычном художественном дискурсе

3.1. Вербализация концепта TOD в произведениях Фридриха Шиллера

Для анализа словообразовательных аспектов при вербализации концептуальных признаков концепта TOD нами были выбраны 4 произведения Фридриха Шиллера «Die Räuber», «Maria Stuart», «Kabale und Liebe» и «Wilhelm Tell». В произведениях данного автора отражена идея «естественного человека», который несет ответственность за свои поступки и за свой выбор, за моральные обязательства, а также затрагивается религиозная концепция.

Первый и самый распространённый в этих произведениях тип словообразования – это словосложение. Слова, образованные на основе этой словообразовательной модели, можно разделить на две группы: полносложные и неполносложные слова.

Неполносложные слова также делятся на четыре группы:

1) неполносложные слова, образованные с помощью соединительного элемента **-e(s)**: die Hundsleiche, die Todesangst, der Todesblick, der Todesfackel, die Todeslanze, der Todesschauer, der Todesschlummer, der Todesstoß, der Todestag, der Königsmord, das Todesnetz, die Todesstunde, das Todesurteil, der Todesweg, die Grabesstille, der Toteskampf, die Mördershand;

2) неполносложные слова, образованные с помощью соединительного элемента **-en**: существительные: der Krankenmord, das Leichentuch, die Totenfarbe, die Totengeglaubten, die Totengerippe, das Totenlied, das Totenreich, die Totenstille, das Leichengesicht, die Totenhand и прилагательные: leichenblass, totenbleich;

3) неполносложные слова, образованные с помощью соединительного элемента **-e**: das Sterberöcheln, die Sterbestunde;

4) неполносложные слова, образованные с помощью соединительного элемента **-er**: der Kindermord, der Weibermord.

Выбор соединительного элемента в каждой из групп можно объяснить следующим:

1) соединительный элемент **-e(s)** используется при основах сильного склонения;

2) соединительный элемент **-en** употребляется при основах слабого склонения, а также может определяться формой множественного числа первой части композита;

3) соединительный элемент **-er** возможен только в композитах, первая часть которых образует множественное число с **-er**, однако это не зависит от того, имеется или отсутствует отношение множественности, что делает этот соединительный элемент схожим с **-en**;

4) соединительный элемент **-e** также, как и **-en**, **-er**, определяется формой множественного числа первой части сложного слова, при этом не имея отношения к множественности.

К группе полносложных слов, характеризующиеся непосредственным словосложением, относятся существительные: der Brudermord, der Mordbrenner, der Mordbruder, die Mordschlacht, das Todbett, die Todsünde, der Vatermord, das Grabstein, die Mordanstifterin, die Mörderhand, die Mörderhilfe, der Mörderstreich,

der Mördervater, die Mordtat, der Todfeind, der Selbstmord, der Kaisermord, die Mordgedanken, das Mordgewehr; прилагательные: maustot, totähnlich.

Большинство композитов состоят из слов, относящихся к одной и той же части речи, а именно, N+соединительный элемент+N или N+N (N – существительное), однако есть и примеры сочетания слов из разных частей речи, например,

- 1) N+en+Adj: leichenblass, totenbleich (Adj – прилагательное);
- 2) V+e+N: das Sterberöcheln, die Sterbestunde (V – глагол);
- 3) N+Adj: maustot;
- 4) Adj+Adj: totähnlich;
- 5) Pronomen+N: der Selbstmord (Pronomen – местоимение).

Следующий способ словообразования, который использовался в данных произведениях – аффиксальное словопроизводство. Префиксальный способ характерен при образовании глаголов не только с глагольными префиксами (be-, ent-, emp-, er-, ge-, miß-, ver-, zer-, de-, ex-, dis-, ko-, re-) **ermorden**, **ersticken**, **ertöten**, **erwürgen**, **vergraben**, **verrecken**; но и с другими: **abschießen**, **aufhängen**, **untergehen**.

Суффиксальный способ использовался для образования:

- 1) существительных:

- с помощью суффикса -er: der Meuchelmörder, der Totschläger, der Vaternörder, der Würger, der Mörder;

- с помощью суффикса -in: die Mörderin, die Selbstmörderin;

- с помощью суффикса -ei: die Mordbrennerei;

- 2) прилагательных: mörderisch, tödlich, atemlos.

Безаффиксальный тип словопроизводства также использовался в проанализированных произведениях, например,

1) причастия I, II претерпевающие процесс адъективации: die hinsterbende Stimme;

2) субстантивация: der Begrabene, der Erwürgte, das Schießen, der Sterbliche, der Untergang.

Такой тип безаффиксального словообразования, как вербализация, не был использован в данных романах.

Проанализировав производные слова, образованные с помощью описанных словообразовательных моделей, нами были эксплицированы концептуальные признаки концепта TOD.

Концептуальный признак *«душевное состояние перед смертью»* вербализован следующими сложными словами: субстантивированное существительное der Begrabene; полносложные слова der Selbstmörder, das Todbett, der Meuchelmörder; неполносложные слова der Kindermord, der Weibermord, der Krankenmord и прилагательное образованное суффиксальным способом tödlich:

*«Auch dieses Nein wird dann zu einem heulenden Ja. - Ein inneres Tribunal, das Ihr nimmermehr durch skeptische Grübeleien bestechen könnt, wird jetzt erwachen und Gericht über Euch halten. Aber es wird ein Erwachen sein, wie des lebendig **Begrabenen** im Bauche des Kirchhofs; es wird ein Unwille sein, wie des **Selbstmörders**, wenn er den **tödlichen** Streich schon getan hat und bereut; es wird ein Blitz sein, der die Mitternacht Eures Lebens zumal überflammt; es wird ein Blick sein, und wenn Ihr da noch feste steht, so sollt Ihr gewonnen haben! ».*

*«O pfui über den **Kindermord!** den **Weibermord!** den **Krankenmord!** - Wie beugt mich diese Tat! Sie hat meine schönsten Werke vergiftet ».*

*«Moor. Weil dir deine Lappereien missglücken, kommst du und willst ein Schelm, ein **Meuchelmörder** werden? - Mord, Knabe, verstehst du das Wort auch? Du magst ruhig schlafen gegangen sein, wenn du Mohnköpfe abgeschlagen hast, aber einen Mord auf der Seele zu tragen...*

Kosinsky. Jeden Mord, den du mich begehen heißt, will ich verantworten.

*Moor. Was? bist du so klug? Willst du dich anmaßen, einen Mann mit Schmeicheleien zu fangen? Woher weißt du, dass ich nicht böse Träume habe, oder auf dem **Todbett** nicht werde blass werden? Wie viel hast du schon getan, wobei du an Verantwortung gedacht hast?».*

Для вербализации концептуального признака «**смертный грех**» автором были использованы следующие лексемы: полносложные слова: der Vaternord, der Brudermord, der Meuchelmörder, das Todbett, die Todsünde.

«Sag mir, was ist die größte Sünde, und die ihn am grimmigsten aufbringt?

Moser. Ich kenne nur zwei. Aber sie werden nicht von Menschen begangen, auch ahnden sie Menschen nicht.

Franz. Diese zwei?

*Moser (sehr bedeutend). **Vaternord** heißt die eine, **Brudermord** die andere».*

*«Meinet ihr wohl gar: eine **Todsünde** werde das Äquivalent gegen **Todsünden** sein?».*

Полносложные слова имеют лингвокреативный потенциал, представляя новое содержание в известной форме. Однако эта форма имеет необходимую меру детализации. Е.С. Кубрякова писала, что словообразовательный элемент как знак представляет собой метонимическое средство, форма, которая сама по себе будучи *pars pro toto* отсылает к какому-то из признаков целого. (Целым в нашем материале выступает концепт TOD).

Концептуальный признак «*смерть как красота*» вербализован в частности лексемами с неполносложным словосложением.

«Bleich wie der Tod! – Jetzt erst gefällt sie mir, deine Tochter! So schön war sie nie, die fromme, rechtschaffene Tochter – Mit diesem Leichengesicht».

Как полносложные, так и неполносложные словообразовательные элементы представляют собой целостную ментальную репрезентацию, хотя и имеют двойную соотнесенность (die Leiche – das Gesicht). Они служат маркерами смысловой компрессии. В данном контексте бледность лица не является просто признаком мертвого человека, а передает особый смысл, а именно является символом красоты, чистоты и набожности.

Концептуальный признак «*смерть как страдание любви*» был реализован лексемами, образованными префиксальным способом производства слова.

«Durch Eure väterliche Teilnehmung erwürgt er Euch, mordet Euch durch Eure Liebe, hat Euer Vaterherz selbst bestochen, Euch den Garaus zu machen».

В данном контексте концепт TOD находится «на равных» с концептом LIEBE, таким образом сила любви сравнивается с силой смерти.

Концептуальный признак «*смерть как переход на небеса*» вербализован лексемами, использующими следующие формы производства слова: адъективация и словосложение.

«Luise. Sterbend vergab mein Erlöser – Heil über dich und ihn (Sie stirbt.)

Ferdinand (kehrt schnell um, wird ihre letzte sterbende Bewegung gewahr und fällt in Schmerz aufgelöst vor der Toten nieder). Halt! Halt! Entspringe mir nicht, Engel des Himmels!».

«Noch, o Himmel! noch zerreißen sie meine Ohren, die fürchterlichen, mich verdammenden Worte: nehmen Sie ihn hin! – Wen, Unglückselige? das Geschenk

deines Sterberöchelns – das schauervolle Vermächtniß deiner Verzweiflung? Gott! Gott! Bin ich so tief gesunken – so plötzlich von allen Thronen meines Stolzes herabgestürzt, dass ich heißhungrig erwarte, was einer Bettlerin Großmut aus ihrem letzten Toteskampfe mir zuwerfen wird? – Nehmen Sie ihn hin!».

Словообразовательные формы, которыми являются адъективация и словосложение, придают направление видению ситуации: переход в другой мир – явление, которое сопряжено, как правило, со страхом, медленным движением, болью за умирающего.

Концептуальный признак «*смерть как время прощания*» вербализован лексемами, образованными с помощью словосложения.

*«Als Zeuge dasteht in der **Todesstunde**.*

- Sagt, edler Ritter! Wie erging es Euch

In diesem feindlichen, unholden Lande,

Seitdem man Euch von meiner Seite riss?».

Концептуальный признак «*смерть – насилие*» вербализован лексемами с помощью суффиксального словопроизводства.

«Gessler: Du schießt oder stirbst mit deinem Knaben.

*Tell: Ich soll der **Mörder** werden meines Kinds!*

Herr, Ihr habt keine Kinder - wisset nicht,

Was sich bewegt in eines Vaters Herzen».

Дискурс играет важную роль в формировании концептуальных признаков, часто превращая лексемы с обычным словообразовательным элементом в новую целостную данность. *Mörder* в данном примере – это целое, которое в контексте отражает многообразие форм бытия. Главный герой, являясь искусным лучником, борцом за независимость своей страны, в то же

время имеет семью и детей, которыми он не готов пожертвовать ради того, чтобы услужить власти и выжить самому.

Концепт TOD в произведениях Фридриха Шиллера представляет собой не только прекращение жизни человека, но также несет в себе дополнительные особые смыслы, а именно передает душевное состояние человека, переживающего смерть близкого человека или который сам находится на грани жизни и смерти. Также в данных контекстах смерть – символ чистоты и красоты, является неотъемлемой частью жизни и отображает различные формы бытия.

3.2. Вербализация концепта TOD в произведениях Эрнста Гофмана

Следующим автором, чьи произведения были проанализированы нами для выявления концептуальных признаков концепта TOD, был Эрнст Гофман и его романы «Die Elixiere des Teufels», «Meister Floh» и «Lebensansichten des Katers Murr». Художественный мир Эрнста Гофмана впечатляет его разнообразием, так как самой важной категорией, лежащей в основе его произведений, является двуличность мира, разделение существования на реальную и фантастическую реальность. Приоритет ни одной из них не подчеркивается, одна реальность переходит в другую. Часто в произведениях ведется борьба между добром, создающим прекрасное, которое приравнивается

к идеалу, и злом, которое стремится уничтожить последний луч надежды, нарушает конвенции, распространяет ложь и обман.

Так же, как у предыдущего автора, самую большую группу составили слова, образованные с помощью такого типа словообразования, как словосложение. Эту группу слов мы поделили таким же образом на две подгруппы, а именно полносложные и неполносложные слова.

Неполносложные слова, использованные в данные произведениях, образовали 3 подгруппы:

1) неполносложные слова, образованные с помощью соединительного элемента **-e(s)**: существительные: die Todesangst, die Todesgefahr, der Totenkampf, die Todeskrankheit, die Todesmarter, die Todesnot, das Todesröcheln, der Todesschrecken, der Todesseufzer, die Todeswunde, der Todesschlaf, der Todesschweiß, die Todesqual, der Liebestod, der Todesengel, der Todeshauch, der Todessprung, der Todesschmerz, die Todesfurcht, die Todesgestalt, der Erstickungstod, der Todesfall, der Todesstreich и прилагательное sterbenshalb;

2) неполносложные слова, образованные с помощью соединительного элемента **-en**: существительные: das Totenamt, der Totengeruch, der Totengesang, das Totengewölbe, die Totenkammer, der Pflanzentod, das Leichenhaus, die Totenhand, die Totenfeier, die Totenerstarrung, die Totenklage; прилагательные: totenblass, totenbleich, totenstill, leichenähnlich, leichenblaß.

В группу полносложных слов вошли существительные: der Märtyrertod, der Messestich, der Mordbruder, das Mordinstrument, das Mordmesser, die Mordtat, der Selbstmord, die Todsünde, die Mordwaffe, der Mordbrenner, die Mordlust; прилагательные: lebendigtot, todkalt, todstarr, todähnlich, mordfaul; глаголы: totschießen, tothetzen.

Слова, образующие композиты, в основном относятся к одной части речи, однако есть и примеры использования слов из разных частей речи:

- 1) N+en+Adj: totenblass, totenbleich, totenstill, leichenähnlich, leichenblaß;
- 2) N+Adj: mordfaul, todkalt, todstarr, todähnlich;
- 3) Adj+V: totschießen, tothetzen;
- 4) Pronomen+N: der Selbstmord.

Также в проанализированных произведениях использовался аффиксальный тип словопроизводства, а именно: суффиксальный и префиксальный типы.

В группу слов, образованных с помощью суффиксального способа, вошли следующие слова:

- 1) существительные: die Ermord**ung**, der Mörder**, die Totenbläse, die Leichenbläse;**
- 2) прилагательные: mörder**isch, mordlustig, sterblich, tödlich.**

Префиксальную группу слов образовали следующие глаголы: **ersticken, erwürgen, ermorden, ertöten, einsargen, begraben.**

Следующая группа слов образованна по безаффиксальному типу, например,

- 1) субстантивация: die Todkranke, das Totschießen, der Totschlag, die Sterbliche, der Sterbende, die Ermordete;
- 2) причастия I, II претерпевающие процесс адъективации: das tötende Gift, die ersterbende Stimme, der verstorbene Herr.

На основе анализа словообразовательных моделей были выявлены следующие концептуальные признаки концепта TOD.

Концептуальный признак «*жертвенная смерть*» лексемами, структурированными с помощью словосложения.

*«Ein Altar in unserer Kirche war der heiligen Rosalia geweiht und ihr herrliches Bild in dem Moment gemalt, als sie den **Märtyrertod** erleidet».*

В своем романе Э. Гофман описывает историю рода художника Франческо, который решился на большое кощунство – написать лик святой Розалии, которая является католической святой, отшельницы, покровительницы города Палермо и всей Сицилии, в образе языческой богини Венеры. Однако, поверив раскаяниям художника, Святая Розалия готова простить художника, поэтому является ему и с этого момента становится покровительницей его рода. С помощью словосложения формируется понятие и передается определенный мыслительный образ: жертвенная смерть святой Розалии, которая является символом чистоты и непорочности.

Концептуальный признак *«мучительный момент, страдания перед смертью»* вербализован с помощью следующих сложных слов: словосложения и адъективации.

*«Hat dich je solch namenloser Schmerz zermalmt, so stimme ein in den trostlosen Jammer des ergrauten Mönchs, der in finstrier Zelle der Sonnenzeit seiner Liebe gedenkend, das harte Lager mit blutigen Tränen netzt, dessen bange **Todesseufzer** in stiller Nacht durch die düsteren Klostergänge hallen».*

*«Aber, wenn das Blut aus hundert Wunden rann, wenn der Schmerz in hundert giftigen Skorpionstichen brannte und dann endlich die Natur erlag, bis der Schlaf sie wie ein ohnmächtiges Kind schützend mit seinen Armen umfing, dann stiegen feindliche Traumbilder empor, die mir neue **Todesmarter** bereiteten».*

*«Aber finstre Gestalten steigen auf, und immer dichter und dichter sich zusammendrängend, immer enger und enger mich einschließend, versperren sie die Aussicht und befangen meinen Sinn mit den Drangsalen der Gegenwart, dass selbst die Sehnsucht, welche mich mit namenlosem wonnevollem Schmerz erfüllte, nun zu **tötender heilloser Qual** wird!».*

Концептуальный признак «*смерть – непреодолимая сила*» вербализован лексемами, образованными с помощью словосложения.

*«Ich sehe den Jüngling den **Todeskampf** streiten mit der finstern Macht, die auf ihn eindringt mit furchtbarer Waffe!».*

*«Als der **Mörder** die Früchte seiner Greuelthat genießen wollte, erwiderte der Mönch mit hohler, geisterartiger Stimme, da erfasste die Geliebte der **Todeskrampf** und sie verschied in seinen Armen. – Gift».*

Благодаря ему выделяется фрагмент действительности (Todeskrampf), однако в разных контекстах – разное ментальное содержание, которое по словам Ю.С. Степанова понимается ситуативно. Ситуативность немислима без референции как соотнесения с действительностью, как внеязыковой («борьба со смертью» как естественным процессом умирания и «борьба со смертью» как смерть от действия яда) и внутриязыковой: лексема как результат словосложения.

Концептуальный признак «*образное представление, олицетворение смерти*» вербализован с помощью словосложения.

*«So wäre das Kloster der finstre Kerker, wo die trostlose Trauer um ewig verlorenes Gut, die Verzweiflung, der Wahnsinn erfinderischer Selbstqual sich eingesperrt, wo abgehärmte bleiche **Todesgestalten** ein elendes Dasein hinschleppten und ihre herzermalmende Angst aushauchten in dumpf murmelnden Gebeten!».*

*«Und doch warst du die Gesundheit, die Kraft selbst, gerüstet gegen alles körperliche Weh, als solltest du ewig leben! Kein Rädchen des Uhrwerks, das dein Inneres trieb, war ja auch schadhaf, und der **Todesengel** hatte sein Schwert nicht über dein Haupt geschwungen, weil das Räderwerk abgelaufen und nicht mehr wieder aufgezogen werden konnte».*

*«Lachende Erben teilten sich darin; ich aber hatte jene wunderbare Sehergabe in dem Augenblick weggefischt, als sie auf der Spitze des Schwerts schwebte, das der **Todesengel** auf die Brust des alten Rabbi setzte».*

Концептуальный признак *«смерть – это облегчение»* вербализован с помощью лексем, образованных на основе словосложения и адъективации.

*« Ja, meine Julia, erwiderte die Prinzessin ernst und fest, über den Wolken ist Heil und Seligkeit, und ich wollte, dass ein Engel des Himmels mich hinauftrüge zu den Sternen, ehe mich die finstere Macht erfasste. Ich möchte wohl sterben, aber ich weiß es, dann trügen sie mich in die fürstliche Gruft, und die Ahnherrn, die dort **begraben**, würden es nicht glauben, dass ich gestorben bin, und erwachen aus der **Totenerstarrung** zum entsetzlichen Leben, und mich hinaustreiben. Dann gehörte ich ja aber weder den Toten an, noch den Lebendigen, und fände nirgends Obdach».*

В данном дискурсе этот тип производства слов выполняет функцию передачи экспрессивного значения смерти как способа обретения покоя.

Особые смыслы, которые автор вкладывает в свои произведения, также были отражены при вербализации концепта TOD. Эрнст Гофман противопоставляет мучительность и непреодолимость смерти покою и облегчению, которые приносит она. Также жертвенная смерть в произведениях Эрнста Гофмана представляется как способ очищения от всех грехов и противопоставляется злу.

3.3. Вербализация концепта TOD в произведениях Теодора Фонтане

Для выявления концептуальных признаков концепта TOD нами были проанализированы 5 произведений Теодора Фонтане «Der Stichling», «Cecile», «Irrungen Wirungen», «Grete Minde» и «Unterm Birnbaum». Автор объективно рассматривает мир в своих произведениях. Однако он не ограничивается простым описанием реальности, он пытается воспроизвести его художественно. С одной стороны, должна быть отражена непосредственная действительность, а с другой стороны, внутри этой действительности, сохраняющей, несмотря ни на что, свою натуральность и фотографическую достоверность, должен быть перелом, который делает из житейской прозы подлинную поэзию.

Рассмотрим самый распространённый в этих произведениях тип словообразования – словосложение. Слова, образованные на основе этой словообразовательной модели, мы также поделили на две группы: полносложные и неполносложные слова.

Неполносложные слова в свою очередь делились на четыре группы:

1) неполносложные слова, образованные с помощью соединительного элемента **-e(s)**: der Kindsmord, der Mordskerl, die Todesanzeige, das Todesurteil, die Todesangst, die Todesfälle, der Todesfall;

2) неполносложные слова, образованные с помощью соединительного элемента **-en**: существительные: die Leichenhalle, die Leichenrede, die Totenaugen, der Totengräber, der Totenkopf, der Totentanz, die Totenkuckerei, drachentötend, leichenblass;

3) неполносложные слова, образованные с помощью соединительного элемента **-e**: das Sterbezimmer, das Sterbebett, das Sterbehaus, der Sterbetag, mausetot;

4) неполносложные слова, образованные с помощью соединительного элемента **-er**: die Gräberschändung, das Kindergrab.

В группу полносложных слов, которые представляют собой непосредственно словосложение, входят существительные: der Begräbnistag, der Begräbniswein, der Grabstein, der Begräbniszug, der Erlösertod, die Grabkapelle, das Grabmal, die Totenkopfphysiognomie, die Atemnot, der Begräbniskranz, der Grabkranz, das Grabkreuz, der Begräbnisplatz, der Begräbnisakt, der Grabhügel, die Grabrede; прилагательное halbtot; глаголы: totschießen, sich totdrücken, hinmorden, totschiagen.

Композиты образованы не только с помощью слов, относящихся в одной и той же части речи, но также из слов разных частей речи, например,

- 1) Adj+V: totschießen, sich totdrücken, totschiagen;
- 2) Adverb+V: hinmorden (Adverb – наречие);
- 3) N+соединительный элемент+Adj: leichenblass, mausetot.

Следующая группа слов образована с помощью суффиксальной словообразовательной модели: существительные: das Begräbn**is**, die Ermord**ung**, der Vatermörd**er**, die Totenstille и прилагательное mörd**erisch**.

Префиксальный способ был использован при образовании глаголов **lo**sschießen, **be**graben, **er**morden, **ver**graben.

Безаффиксальный способ словопроизводства также встретился нам при анализе произведений:

- 1) субстантивация: die Sterbende, das Totschießen;

2) причастия I, II претерпевающие процесс адъективации: die ersterbenden Leute, totgeschossener Dzialinskis.

В результате анализа лексем с различными способами словообразования, нами были эксплицированы концептуальные признаки концепта TOD.

Концептуальный признак «*влечение к смерти*» вербализован лексемами, образованными с помощью субстантивации и суффиксальной словообразовательной модели.

*«Eine der Passionen unsers Rheinsberger Prinzen – wenn man will, in einer Art Gegensatz von dem, was schon gesagt wurde – war eine geheimnisvolle Vorliebe für jungfräuliche **Tote**, besonders Bräute. Wenn eine Braut im Rheinsbergischen, am liebsten auf dem Lande, gestorben war, so lud er sich zu dem **Begräbnis** zu Gast».*

Благородя словообразовательным моделям, использованным в данном контексте, усиливается значение смерти как особенного состояния психики человека.

Концептуальный признак «*смерть как причина спокойствия и тишины*» вербализован с помощью лексем на базе словосложения.

*«In dem alten Herrenhause zu Stechlin sah es am **Begräbnistage** sehr verändert aus; sonst so still und abgeschieden, war heute alles Andrang und Bewegung».*

Концептуальный признак «*смерть как способ добиться чего-то*» вербализован с помощью лексем, образованных по модели словосложения.

*«Eigentlich kommt's doch immer bloß darauf an, dass einer sagt, dafür sterb ich. Und es dann aber auch tut. Für was ist beinah gleich. Dass man überhaupt so was kann, wie sich opfern, das ist das Große. Kirchlich mag es ja falsch sein, was ich da so sage; aber was sie jetzt ›sittlich‹ nennen (und manche sagen auch schönheitlich, aber das ist ein zu dolles Wort), also was sie jetzt sittlich nennen, so bloß auf das hin angesehen, da ist das persönliche Sicheinsetzen und **Für-was-***

sterben-Können und -Wollen doch das Höchste. Mehr kann der Mensch nicht. Aber Koseleger. Der will leben».

С помощью лексемы Für-was-sterben-Können und -Wollen отражена в дискурсе модель (в свернутом виде) взаимодействия с окружающим миром, при этом путь его познания облегчается, намечаются пути взаимодействия с ним.

Концептуальный признак *«смерть как освобождение»* вербализован лексемой, образованной с помощью словосложения.

«Es gibt auf diesem Gebiet nichts Plötzliches, sondern nur ein Allmähliches, auch die geistige Genesung ist ein stilles Wachsen, und je tiefer Sie sich mit dem Glauben an den Erlösertod Jesu Christi durchdringen, desto sicherer und fester wird in Ihnen der Friede der Seele sein».

Концептуальный признак *«смерть – естественное явление»* вербализован лексемами, образованными с помощью суффиксальной словообразовательной модели и неполносложного словосложения.

«Und wahrhaftig, so zu sehen, wie sich's weiter lebt und liebt in der Welt, ist eigentlich das Beste. Hochzeit und Kindtaufen! Und ein paar Todesfälle dazwischen».

«Unterschlagung, Indiskretion, Bruch von Amtsgeheimnis. Ich bitte Sie, fehlt nur noch Kindsmord und Vergehen gegen die Sittlichkeit, und wahrhaftig, es bleibt verwunderlich genug, dass nicht auch das noch herausgedrückt worden ist».

В данном дискурсе мы получаем представление о жизни, а именно то, что смерть является естественной составляющей жизни, ее частью: Kindtaufen, Hochzeit, Todesfälle.

В своих произведениях Теодор Фонтане вкладывает особые смыслы в концепт TOD. В его произведениях смерть представлена и как что-то, что может привлекать человека, и как причина спокойствия и тишины, а также как естественная, неизбежная часть нашей жизни.

3. 4. Вербализация концепта TOD в произведениях Эриха Марии Ремарка

Для выявления особенностей словообразовательных аспектов при вербализации концепта TOD нами были проанализированы 4 произведения Эриха Марии Ремарка: «Zeit zu leben, Zeit zu sterben», «Der schwarze Obelisk», «Der Himmel kennt keine Günstlinge» и «Arc de Triomphe».

Наиболее продуктивным способом словообразования в выбранных нами романах является словосложение. Как и в предыдущих пунктах мы делим композиты на две большие группы: полносложные и неполносложные слова.

Группа неполносложных слов в свою очередь делится на 4 подгруппы:

1) неполносложные слова, образованные с помощью соединительного элемента **-e(s)**: der Freundesmörder, das Staatsbegräbnis, die Todesangst, die Todesanzeige, die Todesbotschaft, die Todesernte, die Todeserschütterung, der Todesfall, die Todesfurcht, die Todesnacht, der Todessprung, der Todestag, die Todesursache, das Todesurteil, der Todesverächter, der Zwillingssarg;

2) неполносложные слова, образованные с помощью соединительного элемента **-en**: das Familienbegräbnis, der Gnadentod, der Heldentod, der Leichenbegleiter, die Leichenbrigade, die Leichenhalle, der Leichenräuber, die Leichenschau, der Leichenschmaus, der Leichenstein, der Leichentransport, das Leichentuch, die Leichenwache, der Leichenzug, das Massengrab, der Massenmord, der Reisensarg, der Sekudentod, das Totenbett, der Totengräber, das Totenhemd, die Totenklage, das Totenkleid, der Totenkult, der Totenschädel, der Totenschein, der Totenschmaus, totenstill.

3) неполносложные слова, образованные с помощью соединительного элемента **-e**: das Sterbehemd;

4) неполносложные слова, образованные с помощью соединительного элемента **-er**: das Kindergrab.

К полносложным словам, которые характеризуются непосредственным сложением слов, относятся:

1) существительные: die Begräbniskutsche, die Dezembertoten, der Doppelsarg, der Foltertod, der Freitod, das Grabdenkmal, die Grabeinfassung, die Grabkapelle, das Grabmal, die Grabplatte, der Grabschmuck, die Grabstätte, der Grabstein, die Grabsteinfirma, das Grabsteingeschäft, der Grabsteinhändler, der Grabsteinlager, das Grabsteinwesen, die Grabstelle, der Hungertod, die Januartoten, der Jugendmörder, der Justizmord, der Kindersarg, die Mordgedanken, der Mordversuch, die Mordwaffe, der Muttermörder, die Sargfirma, der Sargschmuck, der Sargtischler, der Scheintod, die Scheintote, der Selbstmord, der Selbstmörderfriedhof, der Selbstmordflieger, die Selbstmordkandidaten, der Todfeind, die Todsünde, der Vaternmörder, der Zinksarg;

2) прилагательные: dreivierteltot, halbtot, todkrank;

3) глаголы: toterklären, totschiagen.

Композиты образованы в большинстве своем с помощью слов, относящихся к одной части речи, однако есть и примеры сложения слов, принадлежащих в разным частям речи:

1) N+Adj: dreivierteltot, todkrank;

2) N+en+Adj: totenstill;

3) Pronomen+N: der Selbstmord;

4) Adj+V: toterklären, totschiagen;

5) V+e+N: das Sterbehemd.

Следующими способами словопроизводства, использованными в проанализированных произведениях, является суффиксальное и префиксальное словопроизводство.

В группу слов, образованных с помощью суффиксального способа, входят существительные: *die Erschießung*, *das Begräbnis*, *der Selbstmörder* и прилагательное *atemlos*.

С помощью префиксального способа были образованы следующие глаголы: **abschießen**, **aufhängen**, **beschießen**, **eingraben**, **einsargen**, **erschießen**, **ersterben**, **ersticken**, **ertrinken**, **erwürgen**, **vergraben**, **verrecken**.

Безаффиксальное словопроизводство представлено следующими словам:

1) субстантивация: *das Aufhängen*, *das Massentöten*, *das Schießen*, *die Totengegläubten*;

2) причастия I, II претерпевающие процесс адъективации: *der schießende Automat*.

Проанализированные лексемы, образованные с помощью перечисленных словообразовательных моделей, позволили нам эксплицировать концептуальные признаки концепта TOD.

Концептуальный признак «*смерть как результат войны*» вербализован с помощью лексем, образованных на основе полносложного словосложения.

*«Man begrub sie wie Bretter. Auf einer Anhöhe hinter dem Dorf, wo der Schnee nicht so hoch lag, schaufelte man ihn weg und hackte die gefrorene Erde auf. Es war eine mühsame Arbeit. Bei den **Dezembertoten** fand man die Waffen, die zu den **Januartoten** gehört hatten».*

Для вербализации концептуального признака «*смерть как результат войны*» использовались также лексемы, образованный на основе

неполносложного словосложения, префиксального и суффиксального словообразования.

*«Ich meine alles, was dazu geführt hat. Die Lüge, die Unterdrückung, das Unrecht, die Gewalt. Und ich meine den Krieg. Den Krieg, und wie wir ihn führen – mit Sklavenlagern, Konzentrationslagern und dem **Massenmord** an Zivilisten».*

*«Damit war er, wie so viele andere, zum langsamen **Hungertode** während der Inflation verurteilt, da alle Pensionen immer viel zu spät aufgewertet wurden».*

*«In jeder Nacht. Viel **getötet**. Städte brennen, Juden heulen irgendwo, Tschechen **verrecken** in Wäldern, Chinesen brennen unter japanischem Gasolin, durch Konzentrationslager kriecht der **Peitschentod** – sollten wir da sentimentale Weiber sein, wenn ein **Mörder** eliminiert wird?».*

Выбранные лексемы служат в данных контекстах для передачи страшных последствий, массовости и беспощадности, которые возникли в результате войны.

В данном контексте выбранные лексемы вербализующие концепт TOD подчеркивают и детализируют страшную картину, которую за собой влечет война.

Концептуальный признак *«смерть как способ освобождения»* вербализован с помощью лексемы на базе неполносложного словосложения.

*«Was soll er dann mit dem Kind machen? Abliefern, sagte die Maus mit neuer Autorität. Schmerzloser **Gnudentod**. Was sonst? Das ist Sache der Behörden. Gebrandmarkt, Kopf rasiert, Konzentrationslager, Zuchthaus oder Galgen».*

В данном контексте смерть представляется как уход из жизни, как избежание более страшных страданий. В примере прослеживается их четкая градация, построенная на возрастании, ключевым элементом которой является виселица (Galgen).

Вербализация концептуального признака **«смерть как способ развлечения убийц»** осуществлена с помощью лексем, образованных на основе субстантивации и неполносложного словосложения.

*«Er liquidierte alles, was unerwünscht war, und meistens durch **Erschießen**; aber damit das **Massentöten** nicht allzu monoton würde, erfand die SS manchmal humorvolle Variationen».*

В данном контексте использованные лексические единицы передают особое экспрессивное значение смерти не только как способа уничтожения людей, а также как способа преодоления скуки. Смерть не рассматривается как что-то страшное, а наоборот является чем-то обычным, не имеющих никакого значения, человеческая жизнь обесценивается.

Концептуальный признак **«обреченность»** вербализован лексическими единицами, образованными с помощью префиксальной словообразовательной модели, полносложного и неполносложного словосложения.

*«Kein Licht! schrie Mücke. Wer Licht macht, wird **erschossen**! Sie wussten selber, dass es **Selbstmord** war, bei einem Fliegerangriff Licht zu machen».*

*«Aber sie wusste, dass es ihr **Todesurteil** war. Sie wusste, dass in wenigen Minuten das Leben, das stark in ihren gesunden Adern lief, aufhören würde für immer – doch sie stand ruhig da, als wäre es weiter nichts, und als fröre sie nur ein wenig in der kalten Morgenluft».*

Использованные лексические единицы передают особый смысл в данных контекстах, а именно то, что человек уже обречен на смерть и его отделяет один шаг от нее, который прекратит существование навечно.

Концептуальный признак **«смерть как способ наказания»** вербализован лексемами, образованными на основе субстантивации и суффиксального способа словообразования.

«Erschießen — viel zu gut für die Bande! Munition dafür zu verschwenden! Aufhängen sollte man sie!».

«Man konnte ihn niederschlagen und ihn erwürgen oder ihn erstechen. Ein Schuß würde zuviel Lärm machen und zu rasch Leute heranbringen».

В данных контекстах противопоставляется несколько видов смерти, одна из которых считается слишком легкой и быстрой (Erschießen), которую человек не заслужил.

Для вербализации концептуального признака *«мучительный момент, страдания»* использовались лексемы, образованные с помощью субстантивации и полносложного словосложения.

«Wie eine Taube, dachte er, eine einsame weiße Taube der Selbstsicherheit und des Friedens, mit all seinen Fragen und all den klaren Antworten in der Nacht voller Feuer und Qualm und Ersticken und Schreien und Tod».

«Er hatte so viele halbtote und dreiviertel-tote Muschkoten im Lazarett zur Behandlung gehabt, ohne dass ihn irgendjemand für ihren Tod oder ihre schiefgeheilten Knochen verantwortlich machte, dass er zum Schluß einen Haufen interessante Erfahrungen sammeln konnte».

Как субстантивированные, так и полносложные слова служат в некоторых контекстах для передачи состояния, в котором находятся умирающие, сопровождаемое криками, страданием и болью.

Концептуальный признак *«самоубийство»* вербализован с помощью лексем, образованных на базе полносложного словосложения.

«Es schien einfach zu sein zu sterben – aber nicht, tot zu sein. Wollte sie, dass Clerfayt auf dem hiesigen Friedhof beerdigt werde? Auf dem Selbstmörderfriedhof? fragte Lillian. Nein!».

В данном контексте сравниваются два состояния «умереть» и «осуществить самоубийство», первое из которых представляется как что-то естественное. Второе состояние рассматривается как что-то абсолютно противоположное, то, что вызывает неприязнь.

Концептуальный признак *«смерть как конец существования мира»* вербализован с помощью полносложного слова.

*«Die Welt fährt eifrig fort, ihren **Selbstmord** vorzubereiten und sich gleichzeitig darüber hinwegzutäuschen. Gibt es Krieg? Dass es Krieg gibt, weiß jeder. Was man noch nicht weiß, ist wann. Jeder wartet auf ein Wunder».*

Полносложное слово *Selbstmord* в данном контексте относится не к конкретному человеку, а в общем ко всему человечеству, подчеркивая, что мир сам целенаправленно движется к собственному разрушению, не зная при этом, когда точно это произойдет.

Одной из главных тем произведений Эриха Марии Ремарка является война. В произведениях данного автора концепт *TOD* рассматривается с разных сторон и несет в себе различные смыслы, которые, однако, взаимосвязаны между собой, так как все они являются результатом войны.

3.5. Вербализация концепта *TOD* в произведениях Гюнтера Грасса

Для анализа словообразовательных моделей, которые вербализуют концептуальные признаки концепта *TOD*, нами были выбраны 3 романа Гюнтера Грасса «*Die Blechtrommel*», «*Hundejahre*» и «*Katz und Maus*».

Внешний мир в произведениях Гюнтера Грасса представляется во всей его полноте и осязаемости. Но за этими образами и ситуациями скрывается второй, более значимый пласт бытия – онтологическое, непреходящее содержание. Экзистенциальная проблематика неизменно прорастает сквозь быт.

Так же, как и в ранее проанализированных произведениях других авторов, самой распространённой словообразовательной моделью является словосложение, которое образует две группы слов: полносложные и неполносложные слова.

Группа неполносложных слов делится на 4 подгруппы:

1) неполносложные слова, образованные с помощью соединительного элемента **-e(s)**: существительные: der Erschießungsbefehl, der Erschießungsort, der Erstickungstod, der Seemannstod, die Todesart, das Todesurteil и прилагательное grabeskalt;

2) неполносложные слова, образованные с помощью соединительного элемента **-en**: das Familiengrab, der Leichengeruch, das Leichenhaus, das Leichenhemd, der Leichenschmaus, der Leichenträger, das Massengrab, das Totenbett, der Totengräber, der Totenkopf, der Totenschein;

3) неполносложные слова, образованные с помощью соединительного элемента **-e**: das Sterbesakrament, das Sterbezimmer;

4) неполносложные слова, образованные с помощью соединительного элемента **-er**: das Kindergrab.

К группе полносложных слов относятся следующие существительные: das Begräbnisinstitut, die Begräbniskosten, der Begräbnistakt, das Doppelgrab, das Fischsterben, das Grabdenkmal, die Grabinschriften, der Grabstein, die Grabsteinausstellung, der Grabsteinbildhauer, das Grabsteingeschäft, der Grabsteinlager, der Sargbeschlag, der Sargdeckel, die Sargform, das Sargmagazin,

der Sargschreiner, der Selbstmord, die Selbstmordgedanken, der Selbstmordversuch, die Teppichleiche, die Wasserleiche; прилагательные: halbtot, totkrank; глагол totschiagen.

Следующая группа слов – это слова, образованные с помощью аффиксальной словообразовательной модели. Префиксальный способ был использован при образовании глаголов: **erschießen**, **ermorden**, **abschießen**, **vergraben**.

К группе слов, образованных с помощью суффиксального способа словопроизводства, относятся: существительные: **das Begräbnis**, **die Erschießung**, **der Gräber**, **der Mörder**, **der Totschläger**, **die Tötung** и прилагательные: **atemlos**, **mörderisch**.

Слова, образованные по модели безаффиксального словопроизводства, также встретились при анализе произведений:

- 1) субстантивация: **die Ermordete**;
- 2) причастия I, II претерпевающие процесс адъективации: **das absterbende Gebrumm**, **der todbringende Umzug**.

В результате анализа лексем, образованных по различным словообразовательным моделям нами были эксплицированы концептуальные признаки концепта TOD.

Для вербализации концептуального признака «*смерть как причина возникновения особых чувств при потере близкого человека*» были использованы лексемы, образованные на основе суффиксальной словообразовательной модели и неполносложного словосложение.

«Nichts kann eine Mutter ersetzen, sagt man. Schon bald nach Mamas Begräbnis sollte ich meine arme Mama vermissen lernen. Die Donnerstagbesuche beim Sigismund Markus fielen aus, niemand brachte mich mehr zur weißen

Berufskleidung der Schwester Inge, besonders die Sonnabende machten mir Mamas Tod schmerzhaft deutlich: Mama ging nicht mehr zur Beichte».

*«Als der SA-Mann Meyn eines Tages vom **Begräbnis** seines Jugendfreundes Herbert Truczinski zurückkam und traurig und schon wieder nüchtern war, weil ihm jemand das Beileid verweigert hatte, fand er sich ganz alleine mit seinen vier Katzen in der Wohnung».*

*«Sobald sie gewaschen im **Leichenhemd** lag, zeigte sie uns auch wieder ihr vertrautes rundes, schlau naives Gesicht. Die Oberschwester drückte Mama die Augen zu, weil Matzerath und Jan Bronski weinten und blind waren».*

Концептуальный признак **«смерть как причина возникновения особых чувств при потере близкого человека»** с помощью указанных лексем формирует смысл: смерть влечет за собой чувство одиночества, печали и отсутствия смысла существования.

Концептуальный признак **«смерть как способ освобождения»** был вербализован лексемами, построенными на базе полносложного и неполносложного словосложения.

*«Mitte Juni zweiundvierzig wurde mein Sohn Kurt ein Jahr alt. Oskar, der Vater, nahm das gelassen hin, dachte sich: noch zwei Jährchen. Im Oktober zweiundvierzig erhängte sich der Gemüsehändler Greff an einem so formvollendeten Galgen, dass ich, Oskar, fortan den **Selbstmord** zu den erhabenen **Todesarten** zählte».*

В данном контексте самоубийство рассматривается не как смертный грех, а наоборот превозносится и считается лучшим способом прекращения жизни.

Вербализация концептуального признака **«вынужденное прощание с умершим»** была реализована лексемами, образованными с помощью неполносложного словосложения.

*«Meine Großmutter kniete neben ihrem Bruder Vinzent vor dem **Totenbett**, betete laut und hemmungslos auf kaschubisch, während Vinzent nur die Lippen, wahrscheinlich auf Polnisch bewegte, dafür die Augen aber voller geistigem Geschehen weitete».*

Концептуальный признак «*эпидемия*» был вербализован лексическими единицами, образованными с помощью субстантивации.

*«Und Herr Fajngold konnte das nur bestätigen; denn er hatte ja **Tote**, nicht einen **Toten**, nein **Tote**, was soll ich eine Zahl sagen, **Tote**, sag ich, gab es, die er mit Lysol besprenkelt hatte. Und Namen wusste er, dass es langweilig wurde, dass mir, der ich im Lysol schwamm, die Frage nach Leben oder Tod von hunderttausend Namen nicht so wichtig war wie die Frage, ob man das Leben, und wenn nicht das Leben, dann den Tod mit Herrn Fajngolds Desinfektionsmitteln auch rechtzeitig und ausreichend desinfiziert hatte».*

Творчество Гюнтера Грасса отражает его убежденность в конечности бытия, стремительно приближающейся гибели человечества. Автор рассматривает смерть как нечто неизбежное и обыденное, которое имеет свои последствия. В своих произведениях Г. Грасс реализует концепт TOD через описание бытовых ситуаций, сквозь которые прослеживается экзистенциальная проблематика.

Выводы по ГЛАВЕ III

Анализ всех контекстов произведений Фридриха Шиллера, Эрнста Гофмана, Теодора Фонтане, Эриха Марии Ремарка и Гюнтера Грасса обнаружил с одной стороны, общие, а с другой индивидуальные, смыслы, которые авторы передали с помощью лексем, образованных по различным словообразовательным моделям. Ф. Шиллер представляет смерть как неотъемлемую часть бытия, а также как символ чистоты и красоты. Э. Гофман в свою очередь противопоставляет мучительную смерть той, которая приносит покой, при этом жертвенная смерть является способом очищения от всех грехов. В произведениях Т. Фонтане смерть является чем-то привлекательным, приносящим чувство спокойствия и тишины. В своих произведениях Э.М. Ремарк описывает смерть с различных сторон, однако, связующим звеном этого является тема войны. Г. Грасс, описывая бытовые ситуации, неизбежность и обыденность смерти, затрагивает через призму этого экзистенциальную проблематику.

Широкое использование словообразовательных моделей служит для организации смыслового содержания высказывания и тем самым выступает как синтаксическое средство организации текста. Кроме того, слово может использоваться не только в качестве средства обозначения новых явлений в обществе, но также выполнять функцию передачи различных экспрессивных и эмоциональных особенностей того или иного явления и при этом иметь коннотативное значение.

В основе семантики производных единиц лежат когнитивные модели, которые можно рассматривать не только в качестве моделей порождения производных слов, но также моделей предвосхищения и моделей выбора. В качестве модели предвосхищения они служат индивиду подготовкой к

формированию значения производного слова определенным образом. Являясь моделью выбора языковой единицы для реализации в контексте, отличительной чертой является то, что не значение производного слова подстраивается под условия контекстуальной реализации, а новый, расширенный смысл новообразования как бы проявляется в тексте, тем самым определяя его построение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренная нами тема представляет большой интерес и значимость, так как словообразование является главным источником пополнения словарного состава языка. Постоянное изучение словообразовательной системы современного немецкого языка позволяет проследить за процессом его развития, выявить и определить новые тенденции в образовании слов.

Проведя анализ определений дискурса различных авторов, мы можем утверждать, что в современной лингвистике понятие «дискурс» близко по своему значению к понятию «текст», но следует подчеркнуть, что дискурс включает в себя динамический процесс языковой деятельности, которая вписана в ее социальный контекст и результат этой деятельности, то есть текст. Текст же представляется только как статический объект, результат языковой деятельности.

Основываясь на предыдущем определении, можно утверждать, что художественный текст и художественный дискурс обладают неразрывной связью и при анализе художественного произведения стоит учитывать обе эти категории.

Художественный дискурс – это социокультурное взаимодействие, происходящее между читателем и писателями, вовлекающее в свою область эстетические, социальные, культурные ценности, а также личные знания и представления об окружающем мире, отношение к нему, совокупность убеждений, взглядов, верований и представляющее собой стремление оказать влияние и изменить духовную составляющую человека, вызвать у него эмоциональный отклик.

Существует 13 основных моделей, которые используются в немецком языке. Самыми продуктивными и эффективными, по мнению многих авторов, являются безаффиксальное словопроизводство, суффиксальное

словопроизводство, детерминативные сложные слова, образованный с помощью словосложения, а также сложносокращенные и усеченные слова. Корневые и производные слова покрывают всю окружающую внеязыковую действительность своеобразной «сетью», состоящей из названий отдельных предметов, явлений, действий, состояний и их взаимосвязей.

Проведя анализа немецких художественных произведений пяти авторов, мы убедились, что в немецком языке главным способом обогащения словарного состава языка является словосложение, в особенности при образовании существительных и прилагательных. Вдобавок мы убедились в эффективности суффиксального и префиксального способов словопроизводства, а также безаффиксального. Однако сложносокращенные и усеченные слова, которые считаются авторами в настоящее время одними из самых продуктивных, не были обнаружены при анализе выбранных художественных произведений.

На основе анализа словообразовательных моделей, использованных в немецких художественных произведениях, были эксплицированы различные концептуальные признаки концепта «TOD», которые порождают индивидуальные, в некоторых случаях уникальные смыслы, вложенные автором в лексемы, образованные по различным словообразовательным моделям. В основе семантики производных единиц лежат когнитивные модели, которые можно рассматривать не только в качестве моделей порождения производных слов, но также моделей предвосхищения и моделей выбора.

Тем не менее, нельзя делать вывод только на основе предложенных произведений и утверждать, что мы рассмотрели все существующие словообразовательные аспекты, служащие для порождения различных смыслов и для вербализации концептуальных признаков, поэтому перспективным является дальнейшее исследование словообразовательных аспектов на материале произведений других авторов, способствующие порождению новых смыслов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабина Л.В. Проблема концептуальной деривации // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 4. – С. 86-91.
2. Борботько В.Г. Общая теория дискурса. Принципы формирования и смыслопорождения: дис. ... д-ра филол. наук. – Краснодар, 1998. – 250 с.
3. Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. – М.: Либроком, 2011. – 288 с.
4. Бочарникова Е.А. О соотношении понятий «текст» и «дискурс» в лингвистике. //Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2010. – № 1. – С. 50-52.
5. Воронцова С.С. Концепт «Смерть» в фольклорной лирике (на материале русского, английского и немецкого языков) // Теория языка и межкультурная коммуникация: межвуз. сб. науч. тр. – 2009. – №2. – С. 21-25.
6. Ворошилова М. Б. Креолизованный текст в политическом дискурсе. – [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/voroshilova-07b.htm> (дата обращения: 17.06.2017).
7. Галеева Н.Л. Параметры художественного текста и перевод. – Тверь: ТГУ, 1999. – 520 с.
8. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации: Курс лекций. – Москва: Гнозис, 2003. – 286 с.
9. Дейк Т.А. Ван К определению дискурса. – [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (дата обращения 17.06.2017).

10. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии – [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.infolex.ru/PolDis.html> (дата обращения: 16.06.2017).

11. Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы 19-20 вв.) / М. Я. Дымарский. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. – 284 с.

12. Жельвис В.И. Смерть в немецких эвфемизмах // Ярославский педагогический вестник – 2012 – № 4 – С. 168-174.

13. Журавлева Т.В. Дискурс и вопросы понимания художественного текста: к разграничению понятий и постановке проблемы // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2008. – №1(1). – С.14-21.

14. Карасик В.И. О категориях дискурса. – [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://homepages.tversu.ru/~ips/JubKaras.html> (дата обращения: 18.06.2017).

15. Карасик В.И. О типах дискурса. – [Электронный ресурс]: URL: <http://rus-lang.isu.ru/education/discipline/philology/disrurs/material/material2/> (дата обращения: 18.06.2017).

16. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 390 с.

17. Кибрик, А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.19. М., 2003. 90 с.

18. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: Сб. обзоров. – М.: ИНИОН, 2000. – 331 с.

19. Кубрякова Е.С. Что такое словообразование – Москва: Наука, 1965. – 78 с.
20. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М., 2004. – 556 с.
21. Кулибина Н.В. Художественный дискурс как актуализация художественного текста в сознании читателя // Мир русского слова. – 2001. №1 – [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=78661> (дата обращения: 18.06.2017).
22. Лекарева Е. В. Метафорическая репрезентация Тони Блэра в политическом дискурсе британских и российских СМИ // Актуальные проблемы лингвистики и теории преподавания языков и культур: материалы междунар. науч.-практ. конф. – М.:Шадринск, 2009. – С. 299-304.
23. Леонтьева Е.Ю. Философия, культура, религия. Рациональность и «дискурс» (к постановке проблемы). – [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.ebiblioteka.ru/sources/article.jsp?id=2800039> (дата обращений 16.06.2017).
24. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. Анализ поэтического текста. СПб.: Искусство-СПб, 1996. – 846 с.
25. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
26. Медведева Е.В. Лексикология немецкого языка: Лекции, семинары, практические занятия. Учебное пособие. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 448 с.
27. Николина Н. А. Филологический анализ текста: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / 3-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 272 с.

28. Николина, Н. А. Филологический анализ текста: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. Заведений [Текст] / Н.А. Николина; 3-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 272 с.

29. Олизько Н.С., Художественный дискурс как полилог автора, читателя и текста // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – №3. – С.164-166.

30. Попов З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-запад, 2007. – 314 с.

31. Руднев В.П. Теоретико-лингвистический анализ художественного дискурса: автореф. дисс.на соискание науч. степени доктора филол.наук. – Москва, 1996. – 210 с.

32. Самарская Т.Б. Художественный дискурс: специфика составляющих и особенности организации художественного текста. // Электронный журнал Краснодарского филиала РГТЭУ. – [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://journal.kfrgteu.ru/files/1/2012.10.20.pdf> (Дата обращения 19.06.2017).

33. Самойлова А. Д. Дискурс: к проблеме определения понятия. – [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.ruslang.com/education/discipline/philology/disrurs/material/material10/> (дата обращения: 18.06.2017).

34. Седов К.Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности: Психо- и социолингвистические аспекты / К. Ф. Седов. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1999. – 179 с.

35. Сердюк Е.Н. К проблеме определения признаков художественного дискурса. – [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.readera.org/article/k-probleme-opredelenyeja-pryeznavov-khudozhestvennoho-dyeskursa-10185999.html> (дата обращения: 19.06.2016).

36. Серeda E. Вербализация концепта «смерть» в английском языке (на материале паремиологических единиц) // Филологические науки. Вопросы теории и практики – 2015. – № 5. – С. 173-176.
37. Серeda E. Опыт семантического анализа английских фразеологических единиц, вербализующих концепт смерть // Филологические науки. Вопросы теории и практики – 2015. – № 1. – С. 178-181.
38. Слышкин Г.Г. Аксиология языковой личности и сфера наивной лингвистики // Социальная власть языка: сб. науч. тр. – Воронеж, 2000. – С. 87-90.
39. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. Сб. статей. – М.: РГГУ, 1995. – 432 с.
40. Степанова М.Д. Лексикология современного немецкого языка. – М.: Государственное издательство «Высшая школа», 1962. – 311 с.
41. Темнова Е.В. Современные подходы к изучению дискурса // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей – М.: МАКС Пресс, 2004. – 168 с.
42. Урманова-Шмыгова И.Ф. Дискурс в академическом пространстве. – [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.dart.uni.wroc.pl/pdf/dwpa_ru.pdf (дата обращения: 16.06.2016).
43. Медведева Е.В. Когнитивно-дискурсивный анализ стилистического приема антитезы. : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 2007. – 182 с.
44. Харитончик З.А. Лексикология английского языка. – Мн.: Вышэйшая школа, 1983. – 197 с.
45. Хурматуллин А.К. Понятие дискурса в современной лингвистике // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2009. – №6. – С.31-37.

46. Adamzik K. Textlinguistik: Grundlagen, Kontroversen, Perspektiven. – De Gruyter, 2004. – 423 S.
47. Busse D., Teubert W. Begriffsgeschichte und Diskursgeschichte. – Westdeutscher Verlag, 1994. – 299 S.
48. Donalies E. Die Wortbildung des Deutschen. – Narr Francke Attempto, 2005 – 207 S.
49. Eichinger L. Deutsche Wortbildung: Eine Einführung. – Narr Francke Attempto, 2000. – 260 S.
50. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. – De Gruyter, 2012. – 504 S.
51. Gardt A. Diskurslinguistik nach Foucault. – Walter de Gruyter, 2007. – 27 S.
52. Larcher S.B. Linguistische Diskursanalyse: Ein Lehr- und Arbeitsbuch (Narr Studienbücher). – Narr Francke Attempto, 2015. – 256 S.
53. Lohde M. Wortbildung des modernen Deutschen. – Narr Francke Attempto, 2006. – 330 S.
54. Plath V. Deutsche Wortbildung. – Groos, Julius, 2014. – 120 S.
55. Wodak R. Methods of Critical Discourse Analysis. – SAGE Publications Ltd, 2001. – 216 S.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. Арутюнова Н.Д. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 620с.

2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. Энциклопедия, 1966. – 571 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. Fontane T. Cécile. – Manesse Verlag, 2006. – 320 S.
2. Fontane T. Der Stechlin. – Volk und Buch Verlag, 1952. – 399 S.
3. Fontane T. Grete Minde. – dtv Verlagsgesellschaft, 2012. – 160 S.
4. Fontane T. Irrungen, Wirrungen. – dtv Verlagsgesellschaft, 2017. – 240 S.
5. Fontane T. Unterm Birnbaum. – CreateSpace Independent Publishing Platform, 2013. – 94 S.
6. Grass G. Hermann Die Blechtrommel. – Luchterhand Verlag GmbH, 1960. – 281 S.
7. Grass G. Hundejahre. – dtv Verlagsgesellschaft, 1993. – 752 S.
8. Grass G. Katz und Maus. – dtv Verlagsgesellschaft, 2014. – 160 S.
9. Hoffmann E. T. A. Die Elixiere des Teufels. – Deutscher Klassiker Verlag im Taschenbuch, 2007. – 761 S.
10. Hoffmann E. T. A. Lebensansichten des Katers Murr. – Insel Verlag, 2001. – 358 S.
11. Hoffmann E. T. A. Meister Floh. – Aufbau-Verlag, 1982. – 171 S.
12. Remarque E.M. Arc de Triomphe. – KiWi-Taschenbuch, 2017. – 704 S.
13. Remarque E.M. Der Himmel kennt keine Günstlinge. – KiWi-Taschenbuch, 1990 – 320 S.
14. Remarque E.M. Der schwarze Obelisk. – Ullstein, 1963 – 350 S.
15. Remarque E.M. Zeit zu leben und Zeit zu sterben. – Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2002. – 288 S.

16. Schiller F. Die Räuber. – Philipp Reclam jun. Verlag GmbH, 1988. – 57 S.
17. Schiller F. Kabale und Liebe. – Schöningh Verlag im Westermann Schulbuch, 2011. – 120 S.
18. Schiller F. Maria Stuart. – Schöningh Verlag im Westermann Schulbuch, 2002. – 84 S.
19. Schiller F. Wilhelm Tell. – Schöningh Verlag im Westermann Schulbuch, 1998 – 175 S.